
Задушите вашу совесть — это самый большой враг любого, кто хочет быстро добиться успеха в жизни.

Оноре Мирабо

Когда он приблизился к речке под названием Рубикон, которая отделяет Предальпийскую Галлию от собственно Италии, его охватило глубокое раздумье при мысли о наступающей минуте, и он заколебался перед величием своего дерзания. Остановив повозку, он вновь долгое время молча обдумывал со всех сторон свой замысел, принимая то одно, то другое решение...

Наконец, как бы отбросив размышления и отважно устремляясь навстречу будущему, он произнес слова, обычные для людей, вступающих в отважное предприятие, исход которого сомнителен: «Пусть будет брошен жребий», — и двинулся к переходу.

*Плутарх,
«Избранные жизнеописания. Цезарь»*

Глава 1

Они продолжали играть в шахматы. И как обычно, Эдгар Вейдеманис его побеждал. Дронго сопротивлялся изо всех сил, но давление белых было слишком явным, и стало понятно, что черные не смогут долго держаться.

— Потрясающая способность играть до конца, — сказал Вейдеманис, — ты никогда не сдаешься, даже когда результат очевиден.

— Пытаюсь держаться, — согласился Дронго, — ты все-таки не гроссмейстер и можешь ошибиться.

— Уже нет, — возразил Эдгар, — здесь все понятно. Я постараюсь тебя дожать. Мне нравится, когда я тебя обыгрываю. С твоим аналитическим мышлением. Я сам удивляюсь своим победам.

— Мое мышление годится для распутывания сложных криминальных задач, и оно

отличается от аналитических способностей шахматиста, — задумчиво произнес Дронго. — Иначе самыми великими сыщиками были бы Фишер или Каспаров.

— Возможно, — согласился Вейдеманис, — тебе шах, и ты можешь сделать единственный ход, чтобы спасти своего короля. А через три хода получишь гарантированный мат.

Дронго минуту анализировал позицию. Затем в знак согласия кивнул.

— Дожал, — сказал он, — победил. Признаю свое поражение.

— Уже неплохо, — пробормотал Эдгар, — обычно ты играешь до последнего хода.

Они поднялись и прошли на кухню. Вейдеманис приготовил себе кофе, Дронго налил себе чай. Они сидели на небольшой кухне у Эдгара, где обычно устраивали своеобразные посиделки с обменами мнений по конкретным вопросам. Оба были высокого роста. Лысоватый брюнет Дронго и шатен Вейдеманис с роскошной копной волос были совсем не похожи друг на друга. Но у обоих было нечто схожее — внимательные, умные глаза всепонимающих и мыслящих людей. Выражение глаз, которое невозможно изменить или подделать. Только у Дронго были глаза волка, а у Вейдеманиса — рыси.

— Нам уже два раза звонил Леонид Кружков, — напомнил Эдгар.

Их небольшой офис находился на проспекте Мира, где обычно работали Леонид Кружков и его супруга, которые принимали посетителей, отправляли нужные факсы и документы, читали приходившие письма. Иногда там появлялся Эдгар Вейдеманис, еще реже и сам Дронго.

— Опять звонила эта дама, — догадался Дронго.

— Да, — кивнул Эдгар, — Раиса Тихоновна Долгоносова. Просит о встрече. Настаивает, говорит, что у нее очень важное дело.

— Она звонила две недели назад, когда я улетал в Хельсинки, — вспомнил Дронго.

— И тогда просила о срочной встрече. И сейчас два дня подряд звонит и просит встречи с тобой.

— Видимо, дело не очень срочное, если она звонила две недели назад и за это время не нашла никого, с кем можно было переговорить.

— А может, она не хочет обращаться к другим людям, — заметил Вейдеманис, — и ей нужен именно ты.

— Ты становишься подхалимом. Мог бы иногда и поддаваться в шахматы, чтобы быть более органичным, — пошутил Дронго.

— И тем не менее она хочет встретиться именно с тобой, — напомнил Эдгар. — Или ты не хочешь с ней встречаться?

— Раз она так настойчиво звонит, значит, у нее действительно важное дело, — вздохнул Дронго. — Ладно, давай ей позвоним и назначим встречу. Только пусть она приедет к тебе домой. А то моя квартира уже постепенно превращается в проходной двор.

— У тебя две одинаковые квартиры в Москве и в Баку, — рассмеялся Вейдеманис, — и каждый раз, когда я попадаю в какую-нибудь из них, я чувствую, что схожу с ума, настолько они похожи. Но я отлично понимаю, что ты сделал это намеренно. Но ты прав. Необязательно принимать всех гостей у себя дома. Я перезвоню Кружкову, пусть Долгоносова мне позвонит. Постараюсь понять, какое у нее важное дело.

Он достал телефон и стал звонить Кружкову, чтобы он дал номер его мобильного Раисе Тихоновне и она перезвонила на его телефон. Подключил к мобильнику провод с наушниками, чтобы Дронго мог слышать их разговор.

Ждать пришлось недолго. Она перезвонила ровно через минуту.

— Я вас слушаю, — сказал Вейдеманис, отвечая на ее звонок.

— Вас беспокоит Раиса Тихоновна Долгоносова, — услышал он взволнованный голос женщины, — мне срочно нужен господин Дронго. Если вы разрешите так вас называть.

— Я не Дронго, — ответил Эдгар, — я всего лишь его помощник. Я могу узнать, какое у вас к нему дело?

— Очень важное и срочное, — пояснила женщина, — мне нужен именно такой человек.

— Вы можете объяснить — почему?

— Полагаю, что смогу. Дело в том, что я сестра недавно умершего академика Николая Тихоновича Долгоносова. И мне нужно срочно встретиться с господином экспертом.

— По какому вопросу?

— По вопросу смерти моего брата, — объявила Раиса Тихоновна.

— Что с ним случилось?

— Он умер. Все так считают. Но я абсолютно уверена, что его убили. И именно по этому поводу хотела встретиться с господином Дронго.

— Вы говорили об этом в прокуратуре?

— Да. Но там не хотят меня слушать. Я всего лишь его сестра, а не супруга, которая категорически настаивает на его естественной смерти.

Вейдеманис взглянул на Дронго. Тот кивнул.

— Хорошо, — сказал Эдгар, — когда вы можете приехать?

— Когда угодно. Хоть сейчас.

— Тогда запишите мой адрес. Я живу на Чистопрудном бульваре, — объяснил Вейдеманис и продиктовал адрес. — Господин эксперт может принять вас у меня в квартире.

— Это удобно?

— Думаю, что да.

— Могу приехать через полчаса. Вас устроит?

Вейдеманис снова посмотрел на Дронго. И тот опять кивнул.

— Устроит, — подтвердил Эдгар. — Когда подъедете, позвоните, и я продиктую вам номер шифра для замка в подъезде.

Он отключил связь. Взглянул на Дронго, ожидая его объяснений.

— Судя по голосу, ей лет шестьдесят, — сказал Дронго, — говорит четко, чувствуются интеллект, высшее образование, умение концентрироваться и мыслить. Видимо, дело очень неприятное и крайне важное для нее, если она столько времени пытается выйти именно на меня. И судя по тому, что она доберется до нас за тридцать минут, она живет где-то рядом.

Иначе с учетом московских пробок она добиралась бы к нам несколько часов. Давай посмотрим в Интернете, что у нас есть по этому академику Долгоносову.

Вейдеманис принес свой ноутбук и начал поиски сведений об умершем ученом. И уже через несколько минут они знали, что Николай Тихонович Долгоносов работал директором московского института, занимающегося проблемами технических разработок для гидростанций. Он умер четыре месяца назад в возрасте пятидесяти шести лет. В биографии отмечалось, что умер скоропостижно, от обширного инфаркта. Отмечалось, что он был спортсменом, в молодости занимался легкой атлетикой, альпинизмом. Дважды совершал восхождение на Эльбрус. Сестра назвала его академиком, но он был членом-корреспондентом Российской академии наук и после отставки академика Старжинского последние шесть лет возглавлял институт. Сам Старжинский, выйдя на пенсию, в возрасте восьмидесяти трех лет остался работать в учреждении консультантом Долгоносова. Он был два раза женат и имел дочь, которой исполнилось двадцать восемь лет. Она жила в Лондоне еще со студенческой поры. Осталась там и вышла замуж за гражданина Великобритании.

— Ничего особенного, — разочарованно произнес Вейдеманис, дочитав вместе с Дронго информацию об умершем директоре. — Может, институт был какой-то засекреченный?

— Не похоже, — сказал Дронго, — обычное оборудование для гидростанций. Обрати внимание, что ушедший на пенсию Старжинский, несмотря на свой преклонный возраст, остался работать в институте консультантом. Значит, у Долгоносова не конфликтный, коммуникабельный характер.

— Похоже, — согласился Эдгар, — и возможно, его сестре не понравилась внезапная смерть брата от обширного инфаркта. У спортсменов такое иногда случается. Особенно после пятидесяти. Они продолжают считать себя молодыми живчиками и надрываются. Может, он по-прежнему пытался заниматься спортом, своим альпинизмом или еще чем-нибудь и поэтому умер.

— Два раза женат, — напомнил Дронго, — интересно, когда он женился во второй раз?

— Думаешь, его довела молодая супруга? — рассмеялся Эдгар.

— Пока ничего не думаю. Но интересно узнать, когда он женился во второй раз. И вообще, зачем нас так настойчиво ищет его сестра?

Минут через двадцать позвонила Раиса Тихоновна, и еще через две минуты она уже звонила в дверь квартиры Вейдеманиса. Вошедшей женщине было действительно около шестидесяти. Тщательно уложенные волосы, неплохой макияж, было очевидно, что она следила за своей внешностью. Хороший маникюр, элегантное серое платье, несколько кокетливый шарф, правильные черты лица, большие карие глаза. Дронго вежливо поздоровался. Он не любил протягивать руку женщинам, убежденный в том, что руки знакомым дамам нужно целовать при встрече, а не пожимать в дружеских рукопожатиях.

— Меня обычно называют Дронго, — сказал он женщине.

— Я знаю, — кивнула она, — мне вас описывали.

Раиса Тихоновна прошла в небольшую гостиную и устроилась за столом. Напротив сели Дронго и Вейдеманис.

— Это мой друг и напарник Эдгар Вейдеманис, — представил хозяина квартиры Дронго, — у меня не бывает от него секретов. И в его присутствии вы можете все говорить.

— Примерно как Шерлок Холмс и доктор Ватсон, — улыбнулась женщина, — не удивляйтесь. Я филолог по образованию, работаю